

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГРОБ СВЯТОГОРА

Четвертого июля перед молодым юристом в нотариальной конторе «Рябцева и сын» сидел запоздалый и довольно-таки странный посетитель. Он был как-то неряшливо одет, хотя и в дорогой костюм «от Армани». Но одна пуговица болталась на ниточке, а другая вообще ушла куда-то прогуляться. Модные туфли – из мягкой кожи, но нечищенные. Белая сорочка грязновата. На лице небритость, прическа – «только что проснулся». Казалось, человек совершенно равнодушен к своей внешности и в зеркало заглядывает не часто. Было ему около сорока пяти лет.

Молодой юрист же, собственно, и был единственным сыном госпожи Рябцевой, которая в настоящий момент пребывала по служебной надобности в Германии. Он свято чтит наказ матушки – стараться не упустить ни одного клиента, даже самого завалищего. Дела конторы шли не слишком бойко, конкуренты заедали со всех сторон, а арендная плата за уютное помещение в одном из арбатских переулков подскочила в разы. Словом, не до жиру. А этот посетитель дорогой, сразу видно.

Потому юрист и слушал его предельно внимательно, не перебивая, хотя никак не мог взять в толк: чего же тому, в конце концов, нужно? А мужчина говорил сбивчиво, как будто бы ни о чем и в то же время обо всем сразу. Его рассеянный взгляд соответствовал речи. Сначала она завелась о жаркой летней погоде, потом перекинулась на грядущие выборы, затем скакнула на инфляцию и ценовую политику, метнулась на футбольное поле Еврокубков и совершенно уж неожиданно перебежала к инфернальным явлениям в природе.

«Как же его зовут? – напряженно вспоминал молодой юрист. – Назвался так неразборчиво, будто бутерброд сжевал».

– Вся полнота мистики заключается именно в чудесах, – заключил тем временем странный гость, – они происходят с каждым из нас, просто мы не всегда готовы их принять и понять. Да и не желаем того.

Согласившись, Вадим Рябцев подумал: а не ошибся ли этот человек дверью? Тут рядом, на этаже, располагалась еще одна контора, какое-то «Общество просветленного сознания», куда то и дело сновали всякие «просветленные» личности с мутным взором. Он уже хотел напрямую спросить об этом, но мужчина опередил его, словно угадав вопрос:

– Мне нужна ваша юридическая помощь. Так что я, кажется, не ошибся дверью.

Вадим вздохнул с облегчением. А затем еще раз – уже с некоторой тоской, поскольку стрелки старинных настенных часов с кукушкой подходили к цифре семь. Дело в том, что именно в это время в маленьком соседнем азербайджанском ресторанчике «Шеш-Беш» возле метро «Смоленская» у него была назначена встреча с девушкой, которую он в глубине души начинал с приятным испугом считать своей «второй половиной». Да так оно, в сущности, и было, оставались лишь кое-какие формальности.

– А знаете что? – предложил вдруг молодой юрист, найдя неожиданное решение. – Мы все равно сейчас закрываемся. Так вот, не продолжить ли нам нашу приятную беседу в кофейне за углом?

– Пожалуй, – кивнул мужчина, словно это было само собой разумеющимся и он даже ждал этого пригласения.

А из древних рябцевских часов в этот момент как раз и выскочила на пружинке кукушка, напомнив о времени, а может быть, до кучи, и о земных сроках. Задерживаться в кабинете больше не стали. Вышли на воздух и последовали по назначению. Причем за ними

тотчас же двинулась и крепкая фигура в черном костюме, отделившись от газетного киоска. Шла шагах в трех, как привязанная. Вроде дождавшейся хозяина преданной собаки.

— Мой телохранитель, — виновато пояснил мужчина, отвечая на недоуменный взгляд юриста. — Пришлось, знаете ли, нанять по сугубо семейным обстоятельствам. Да вы не обращайтесь внимания.

— Мне все равно. Главное, чтобы не кусался.

Через четыре минуты они уже входили в полутемный зальчик, где веяло желанной прохладой, а за одним из боковых столиков скучала за фруктовым коктейлем рассерженная эффектная брюнетка с признаками фотомодели. Вадим направил свои стопы прямо к ней, увлекая за собой и негаданного спутника.

— Зря вообще пришел, — капризно заметила девушка. — Я уже уходить собиралась. Целую вечность жду.

На нотариального клиента она даже не обратила внимания, словно его и не было. Так, какая-то поставшая тень Вадима.

— Но мы же в семь договаривались, — возразил потенциальный жених.

— А сейчас сколько?

— А семи еще нет, — соврал Вадим, поскольку никакое другое объяснение ему не влезло в голову.

— А вот я сейчас встану и уйду, — продолжила гнуть свое жгучая брюнетка.

Вот так и начинают складываться счастливые семьи, прямо по Толстому. А потом под поезд бросаются.

— А хватит вам языком трепать, — грубовато встал клиент, будто реферн на ринге, и уселся за стол, подвинув к себе меню и углубившись в карту вин.

Вадиму ничего другого не оставалось, как присоединиться к ним третьим. Но теперь уже невеста переключила все свое внимание на этот посторонний предмет в мужском костюме, вторгшийся за ее столик. После пристального изучения она лаконично спросила:

— Это что?

Вадим отчего-то сам с любопытством уставился на своего клиента и совсем уж непонятно почему вновь солгал:

— Это, так, родственник.

— Я думала, у нас будет серьезный разговор. О нашем будущем. Без посторонних... родственников.

Обиженная невеста сделала попытку встать. Но лишь перекинула одну стройную ножку на другую. Однако градус накала не сбавляла. Это было видно по ее нахмуренным бровкам. А у столика уже услужливо стояли две официантки в национальных одеждах и терпеливо ждали, когда закончится спор хозяйствующих субъектов. Обстановка разрядилась не без помощи клиента.

— Вы, милая, допустили две лингвофилософские ошибки, — обратился он к ней. — Если, допустим, можно ждать «целую вечность», то кто-то в этой гипотетической очереди, когда надоеет, захочет ограничиться ее половинкой или четвертью. Это как попросить отрезать от головки сыра граммов триста. Вечность неделима на время. И нельзя при этом вести какие-либо серьезные разговоры о будущем, поскольку оно и есть вечность и это все равно, что ловить пустоту сачком. Ни черта не поймаешь. А вот то, что все мы генетические митохондриальные родственники, — чистая правда. Я в этом совсем недавно убедился, на собственном опыте, в Юрьевце, — и странный мужчина при этом выразительно посмотрел на них.

После сей маловразумительной речи, которая тем не менее пришла почему-то задиристой невесте по душе, официантки стали принимать заказ. Кормили здесь всегда вкусно и не слишком дорого. Принесли различные салаты, пирожки, блинчики, зелень, фрукты, а потом еще рыбу и мясо, а также пару кувшинчиков вина. За ужином говорил в основном загадочный клиент. Его «жужжанию» никто не мешал, поскольку юрист и модель обладали отменным аппетитом, а с набитым ртом что возразишь и как поспоришь? Лишь раз только девушка улучшила момент, толкнула Вадима в бок и тихонько спросила:

— Как зовут эту балаболку?

— Хрен знает, — отозвался сотрапезник, запивая красным вином шашлык из осетрины. На том временно и успокоились, продолжая слушать и кушать. Мужчина же лишь ковырял вилкой в тарелке, но забывал доносить до рта, который не закрывался по другой причине. Был полон слов.

— Вот сказал я вначале, что все мы одна родня, а теперь поясню. В ДНК каждого мужчины, а именно в Y-хромосоме, имеются определенные участки, в которых постепенно, раз в несколько поколений, раз за разом в нуклеотидах накапливаются мутации... Y-хромосома — единственная из всех 46 хромосом, точнее — из 23-х, несущих сперматозоид, извините, девушка...

— Да ничего, я уже знаю, что это такое. Взрослая девушка.

— ...которая передается от отца к сыну и далее к каждому очередному сыну по цепочке времен длиной в десятки тысяч лет. Сын получает Y-хромосому от отца точно такую же, какую тот получил от своего отца, плюс новые мутации, если таковые произошли при передаче от отца к сыну.

— Вы закусывайте, а то пьете все, — прервал его Вадим.

— Благодарствуйте, сыт. Возьмем, к примеру, славян. Славянские языки, по данным лингвистов, разошлись примерно тысяча триста лет назад. Но гене-

алогически славяне — русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, боснийцы, македонцы и другие — принадлежат к различным родам. И история этих родов совершенно разная. Поэтому западные и восточные славяне как «этнокультурные сообщества» — это несколько разные понятия. Одни в массе католики, другие — православные. Язык заметно различается. А в рамках ДНК-генеалогии — это одно и то же, один род, одна и та же метка в Y-хромосоме, одна и та же история миграций, один и тот же общий предок. Одна и та же предковая гаплогруппа, наконец.

— Хоть салат с крабами попробуйте, — участливо сказала невеста.

— Потом, потом, — он словно спешил куда-то. Может, хотел выговориться. — В языкознании «славяне» — это одно, в этнографии — другое, а в ДНК-генеалогии — третье. Но гаплогруппа, то есть род образовался тогда, когда ни наций, ни языков еще не было, ничего не было, кроме... — мужчина хотел подобрать какой-то яркий образ, но лишь покрутил пальцем в воздухе, а потом просто махнул рукой и закончил свою мысль: — Поэтому принадлежность к своей гаплогруппе — первична. Как первична не материя, а Слово. Да, Слово было, а языков еще нет. И каждый из нас носит определенную метку в ДНК. И эта метка в мужском потомстве неистребима. Она может быть истреблена только вместе с самим потомством. Целенаправленно, если хотите.

— Никто этого здесь не хочет, — успокоил его Вадим.

— Да? Ладно. Но эта метка вовсе не означает, что она — показатель некой «породы» человека. Она не связана с генами и не имеет к ним никакого отношения. А именно гены могут быть при желании связаны с «породой». Гаплогруппы же и гаплотипы никак не определяют форму черепа или носа, цвет волос или глаз, физические или умственные характеристики человека. Но они навсегда привязывают носителя гаплотипа к определенному человеческому роду, в начале которого был его патриарх. Потомство его выжило и живет в наши дни, в отличие от миллионов других обравшихся генеалогических линий.

— Жалко птичек! — вздохнула девушка.

На что мужчина ответил:

— Жалость — понятие относительное, как и неизбежность. Какую бы религию ни поменяли потомки в ходе тысячелетий, какой бы язык ни приобрели, какие бы культурно-этнические характеристики ни изменили, точно та же гаплогруппа, такой же гаплотип, разве что с несколькими мутациями, упрямо проявляются в потомках. Достаточно протестировать определенные фрагменты этой Y-хромосомы. И тут уж неважно, мусульманин ли ты, христианин, иудей, буддист, атеист

или язычник.

Ковырнув вилкой шашлык, но забыв отправить его в рот, мужчина добавил:

— С научной точки зрения все мы имеем один и тот же цветовой пигмент кожи: это меланин. И он темно-коричневый. Так что все мы в этом смысле одинаковые, нравится вам это или нет. Но если у человека меланина нет вообще, как у альбиносов, которые унаследовали мутационный дефект, то у него цвет кожи бледный или розоватый. Кожа европейца производит небольшое количество меланина, а негра — повышенное, вот и вся разница. И, кроме того, среда обитания играет также важную роль. Мы ведь не рождаемся на свет с генетически запрограммированным количеством меланина. Напротив. У нас имеется генетическая способность производить необходимый меланин в разном климате. Родись вы, девушка, скажем, на юге Африки, были бы мулаткой.

— Спасибо, не надо, — ответила невеста.

— А что, мне Наоми по нраву, — возразил Вадим.

— Вот и женись на ней!

— Да уже поженился кто-то из русских. Оpozдал я.

— Тогда другую поищи. В дешевом борделе.

— Почему в дешевом-то? Я уж в таком случае в бизнес-класс пойду.

— Катись.

Мужчина с интересом наблюдал за их перепалкой и улыбался. Потом остановил загорающуюся ссору словами:

— Разрез глаз также у всех одинаковый. Что у китаяца, что у русского. Разница лишь в том, какое количество жира собрано вокруг глаз. Просто у азиатских народов его больше, чем у европейских. А так-то все люди на нашей планете произошли от одной матери. От так называемой митохондрической Евы. Такой вывод сделали биологи и генетики, проследив историю и развитие ДНК современного человека. А Адам и Ева, скорее всего, были смуглолицыми, с темными волосами и карими глазами. Но Господь Бог создал человека по Своему образу и подобию, надо об этом никогда не забывать. И мы все с вами произошли от одной крови, как сказано в Библии, и потому одинаково равны и ценны в глазах нашего Небесного Отца.

— Вы генетик? — с любопытством спросил Вадим. — Монах Мендель, часом, не ваш родственник будет? Но ситуация примерно ясна. Давайте переходить к сути, — он надеялся, что сейчас-то клиент заговорит о деле, но тот воспринял его слова по-своему.

— Хорошо, — кивнул мужчина, — суть такова. Гаплотипы чрезвычайно чувствительны к происхождению, если говорить о генеалогических родах. Дерево гаплотипов — это перевернутая пирамида. Вершина

внизу — это гаплотип общего предка рода. Основание пирамиды, на самом верш — это мы, современники, это наши гаплотипы.

— Голова кругом, — пожаловалась невеста.

— Не налегай больше на вино, — заботливо посоветовал жених и тихо добавил: — Или заткни уши.

Ужин всегда хорош, когда сопровождается приятной музыкой или легкой беседой, а тут было и первое и второе. Хотя «второе» оказалось слегка тяжеловато для «пищеварения». В глубине зала играла зурна, между столиками танцующей походкой сновали официантки, а легкое вино действительно кружило голову.

— Россия — страна чудес, — взял другую «ноту» клиент. — Не какая-нибудь там унылая Европа, у нас что ни новый век — так очередное веселье, а то и по два сразу на одно столетие. Да и начиналось-то как, еще в языческие времена? Вот возьмем, скажем, такую поразительную былинку о Святогоре.

— Возьмем, — притворно согласилась девушка и, потянувшись, взяла со стола горку миндальных орехов, поделившись ими с Вадимом.

— Едут, стало быть, богатырь Святогор со своим другом Ильей по широкому полю. Куда едут — сами не знают. Это, заметьте, одна из самых примечательных черт русского характера. Немец был непременно по делу шел, хоть за кружкой бира, француз — к чужой жене. А эти просто так, дурыю маются. Про Илью Муромца мы более-менее знаем, русский святой, мощи его покоятся в Киево-Печерской Лавре. Но кто такой Святогор? Какой древний народ и какое государство он представлял? Объясняю. Я специально изучал этот вопрос. Можно предположить, что, во-первых, этот народ много старше славян, раз Илья Муромец находился при нем на положении младшего брата. А во-вторых, речь все же идет о родственниках славянам народах.

— Венеты? — вспомнил свое университетское образование Вадим.

— Вань, — поправил мужчина. — А венеты это и есть славяне. Ванское же царство — самоназвание Урарту. Иначе говорят — неситы. А неситы — это уже те же хетты. Их держава располагалась рядом с Араратом, громила Ассирию и Египет. Так-то вот. А Святогор с Ильей Муромцем, я проследил их маршрут с лупой, ехали все-таки не просто так, а двигались от Арарата точно на юг, в район восточного побережья Средиземного моря, к горе Елеонской. Но надо все же сказать, что древняя география была совершенно отлична от современной, привычной нам. Она непременно включала в себя кроме реальной топонимики еще и умоглядные, то есть воображаемые ориентиры. Так что тут сам черт ногу сломит.

— Что вы имеете в виду под этими «воображаемыми ориентирами»? — спросил Вадим, все же радуясь внутри, что привел к невесте столь умного собеседника.

Глядишь, и сама наберется чего-нибудь. Позже он глубоко пожалеет об этом. Уж лучше бы оставалась такой, enfantterrible. Ужасное дитя времени.

— Мистические Центры Мира, — коротко ответил мужчина. — Это гора Меру, страна Агарти, Гиперборея, Шамбала, которая помещалась то на Север, то на Восток, в зависимости от политической конъюнктуры. Есть и другие Центры X, как я их называю. Тем не менее современный исследователь, опираясь на достижения предшественников, может попытаться отделить реальные географические представления древних народов от фантастических.

— О, фэнтези я люблю! — воскликнула невеста. — Гарри Поттер такой лапочка!

Вадим покраснел, а клиент продолжил, не обратив на слова красавицы ни малейшего внимания:

— Но гора Елеонская вполне реальна, и именно туда совершали свои походы хетты. Там еще в тринадцатом тысячелетии до нашей эры состоялась решающая битва при Кадеше между хеттами и египтянами. Иерусалима в то время еще не существовало. На горе Сион стояла только крепость Иевус ханаанского племени иеусеев. Это племя позже покорил царь Давид, после чего и заложил Иерусалим. Но былинный Святогор находит свою смерть как раз на Святой земле, у подножия будущего города трех религий, еще одного Центра Мира, куда и стремился вместе с Ильей Муромцем. А как это произошло?

— Да, как? — спросила жгучая брюнетка, прекратив вкушать мидий.

— Святогор, наш дальний генетический предок, всю жизнь маявшийся от своей бесполезной силы, запертой в горах, вдруг встречает Илью. И тотчас же вызывает его на поединок. Ну, причуда у него такая была — со всеми драться. Однако это нисколько не свидетельствует о его враждебности. Скорее, Святогор только русских богатырей считал равными себе. Выслушав учтивую и уважительную речь Ильи Муромца, он отказывается от поединка и предлагает: «А поедем-ка со мной, да по Святым горам». И они отправляются к будущему Иерусалиму, «прискакали на гору Елеонскую». Эта гора маслин, Масличная, расположена к востоку от Иерусалима и отделена от города Кедронской долиной. Она играла важную роль в священной истории, описанной еще в Библии. Здесь Иисус Христос молился о чаше в Гефсиманском саду. Для нас же важно, что в сознании обоих былинных богатырей два места библейской истории — Арарат и Елеонская гора — сливаются воедино. Тут я сделаю одно лирическое отступление.

— Может, не надо? — попросила невеста. — Лирику не люблю. Факты давай.

— Можно и факты. Итак, Муромец, как мы знаем, сидел сиднем тридцать три года, пока его калики пере-

хожке с пещи не подняли. Еще одна, кстати, образцовая русская черта характера. А невеста Святогора лежала «во гноище» тридцать лет. И вот оба они получают чудесное исцеление.

— Как же невеста-то поправилась? Не с помощью ли Геннадия Малахова? — полюбопытствовал Вадим, мельком взглянув на свою суженую.

— Это целая поэма, — охотно пояснил мужчина. — Святогор, следуя тексту былин, поехал в какую-то свою служебную командировку в Северные горы. Там стояла кузня некоего чудесного кузнеца, кующего человеческую судьбу. Можно предположить, что это Кавказский хребет, который по отношению к Армении и Анатолии действительно расположен на севере. Тем более что Кавказ в то время был важнейшим центром металлургии. И кузнец объявляет Святогору, дескать, «твоя невеста в царстве Поморском, в престольном городе тридцать лет лежит в гноище». Поморье — север России. И Святогор, чтобы избежать несчастливой судьбы, не будь дураком — кому ж охота такую невесту в жены брать? — решает ее найти и убить.

— О как! Какое мудрое решение проблемы, — восхитился Вадим и вновь посмотрел на свою невесту, даже многозначительно подмигнул ей, а та лишь недовольно фыркнула.

— Найдя девицу, — продолжил оратор, — Святогор бьет ее ножом в грудь и откупается от убийства, оставив на столе пятьсот рублей. Мало это или много — вопрос инфляции. Сейчас не об этом. Но невеста не погибает от удара. Наоборот, после ухода Святогора с ней происходит чудесное исцеление: с кожи спадает короста. А на оставленные богатырем деньги — пригодились все ж! — она начинает большую морскую торговлю, быстро богатеет, строит флот и по Синему морю едет в «город великий на Святых горах», где воссоединяется во всей своей красе, славе и богатстве со своим женихом — Святогором.

— Деньги решают все, — задумчиво произнесла модель. — Есть деньги — будут тебе и флот, и любовь, нет их — ни счастья, ни даже углой семейной лодочки.

— Смысл этого сказания довольно прост, — поправил ее мужчина. — С исторической точки зрения был заключен союз между двумя древними государствами или народами. При этом одно из них, по былинке, более молодое, — это Русь. Которая находится в плачевном состоянии и нуждается в военной помощи, то есть в силе Святогора, и экономической поддержке — его пятистах рублях. А Поморское царство, возможно, это легендарная Троя — Илион. До нас дошли сведения о заключении союзного договора между Илионом и Хаттусой — столицей Хеттского государства. Но тогда не является ли упоминание о тридцатилетней болезни невесты Святогора иносказанием о многолетней осаде Трои? А ведь в таком случае выходит, что и Илья Му-

ромей принимал участие в битвах против ахейцев-греков. И Русь существовала задолго до того, как принято считать.

— Намекаете, что Троя — славянский город? — спросил Вадим.

— Не только намекаю, а утверждаю это. А откуда же взялись в Италии этруски, то есть русские, еще задолго до древних римлян? Да все оттуда же, из поверженной Трои. Вспомните «Слово о полку Игореве»: «О, Боян, соловей старого времени! Как бы ты эти полки воспел, скача славою по мыслену древу, летая умом под облаками, свивая славы обе полы сего времени, рыща в след Трояни, через поля да горы?» Или там же: «Были века Трояни, минули годы Ярослава, были походы Олеговы, Олега Святославича». И еще: «На седьмом веке Трояни бросил Всеслав жребий о девице себе милой». Таких упоминаний имени Трои в «Слове» достаточно.

Помолчав немного, знаток древности продолжил:

— Из истории нам всем известно, что трояне назывались сперва пеласгами, потом — фракийцами, затем — тевкрами, после этого — дарданами и, наконец, обрели имя своего города и страны. А в результате падения Трои стали называться уже пергамлянами и кемейнами, поскольку Кемь и Пергам построил Эней с остатками троянцев, избежавших гибели в Илионе. Но у фракийцев, равно как и у пеласгов, мы встречаем множество племенных названий чисто славянских, между которых, по Геродоту, есть руссы и русины. Само слово «пеласги», как отмечал еще Ключевский, означает «перелетный аист», что вообще свойственно славянской душе, характеру, все время меняющему образ жизни, перебирающемуся с места на место, ищущему лучшей доли. И, кроме того, фракийцы носили чубы, как малороссияне.

— А вот это надо держать в строжайшем секрете, — предупредил Вадим, даже с подозрением оглянулся. — Хохлы услышат — беды не оберешься, все под себя переписут. А не переписут, так обкусают и выплюнут, потом съест будет невозможно.

Услышали ли их чудом сохранившиеся в «Шеш-Беше» малороссияне — неизвестно, но к столику вдруг подошел лысоватый, субтильного сложения человек среднего возраста и, наклонившись к клиенту, что-то зашептал на ухо. Тайную информацию передавал минуты три. Потом также незаметно исчез.

— Еще один телохранитель? — поинтересовался Вадим.

— Нет. Частный детектив. Ситуация обязывает.

— И тоже в связи с семейными обстоятельствами?

— Примерно так. Да я вам потом все объясню. А что касается истории, то ее надо не переписывать, а снимать нанесенную на нее идеологическую пленку пласт за пластом... Глубина народной памяти просто поразительна, — подытожил мужчина. — Расшифров-

ка древнерусского фольклора уводит нас в глубину тысячелетий, во времена неолита. Во всяком случае, сказочный сюжет смертельного боя между тем же Муромцем и чудовищем на «калиновом мосту» можно интерпретировать как отголосок охоты наших предков за мамонтом. Где-то в тундре. Ягель ведь схож с калиной.

— Вы фольклорист, филолог? — спросил Вадим.

— Он просто душака, — ласково ответила невеста. Настроение у нее менялось довольно часто. Особенно после выпитого.

— Я на данный момент всего лишь ваше досадное недоразумение, хотя еще и не кошмар, — произнес загадочный клиент. — Но поверьте, скоро им стану, потом исчезну, а вы еще об этом глубоко пожалеете.

А вот это уже прозвучало как-то несъедобно. Неудобоваримо даже. Молодые люди встревожено переглянулись. А странный человек как ни в чем не бывало продолжал:

— Однако фольклор передает нам не одну лишь хронологическую, но и географическую память об исторических событиях. Русские былины зафиксировали знакомство древних русичей не только с соседями — Ордой, Литвой, Турцией, но и с Каспием, это «Хвалынское море и Сокол-корабль», Иерусалимом, о чем я уже вам пропел, Италией — «Земля Тальянская», Арабским Востоком — «Сарацинская земля». Чем древнее былинный сюжет, тем более отдаленный пласт исторической географии он нам открывает. Например, Илья Муромец борется то с печенегами и половцами, то вообще отправляется истреблять Идолище Поганое в Константинополь. А вот сюжет о богатыре-нахвалящике истолковывается как воспоминание о столкновении с Хазарским каганатом: «Земля Жидовская и богатырь Жидовин». А сказка о Царь-девице — как рассказ о борьбе с сарматами: «Девичье царство, Подсолнечное царство».

— Возникает вопрос ... — решил перебить его Вадим, надеясь развернуть мысль собеседника к делу: какого хрена ему вообще надо от нотариальной конторы «Рябцева и сын»? Завещание-то на кого составлять? На Илью Муромца, что ли? Или на Святогора? Но мужчина не дал ему договорить.

— Да, вопрос действительно возникает, — в охотку подхватил он. — Насколько глубоко простирается географическая память древнерусской фольклорной традиции? И насколько точно мы можем определить историко-географические реалии по дошедшим до нас поэтическим описаниям? А я вам отвечу. Народный эпос: былины, легенды, предания, плачи, сказки — содержат в себе зашифрованную информацию о событиях далекого прошлого. Надо только уметь правильно расшифровывать эти поэтические образы, суметь понять их смыслы, коды и значения. И все это, конечно же, между прочим, есть еще и в Библии.

— Ну как же без Библии-то, — вяло согласился юрист. Не дай Бог еще и в ней увязнет. Авраам родил Исаака и так далее. Нет, клиент двинулся в другую сторону, в Индию:

— Славянская фольклорная поэзия сопоставима с самыми архаичными формами греческого стиха. Из которых вышел и гекзаметр, и ритмика древнейших гимнов «Ригведы». Так что все связано, повязано и перевязано. Вот, к примеру, былина о Волхе Всеславиче. О завоевании царства Индийского. Главный герой, родившийся от колдовства, «волхования», слышавший оборотнем, собирает дружину и выступает в поход против угрожавшего Руси Индийского царства.

— Вампир, что ли? — с надеждой спросила девушка, ожидая, что ей под вечер расскажут хорошую голливудскую сказку.

— Почти. Сразу бросается в глаза, что врагом Руси поименована не Орда, не Литва, а далекая Индия. Это может указывать на то, что данный сюжет дошел до нас в наименее искаженном виде, и описывает переселение арийских племен в Арьявату, страну ариев — центральную часть Северной Индии, еще за две тысячи лет до нашей эры. Поход прошел успешно, и Волх Всеславич с дружиной поселяются в Индийском царстве после истребления всего местного населения. Короче, перебили всех дравидов и заняли их место.

— Как все-таки в прошлом, во время великого переселения народов, мир был жесток, — огорченно произнес Вадим.

— А сейчас добрее, что ли? — резонно заметила невеста. — И теперь «переселение» идет, не знаешь разве? Только гастарбайтеров. Скоро они со своими дружинами в час X и нас всех истребят. Жди. В своей нотариальной конторе.

— Следует, однако, заметить, — продолжил мужчина, — что зафиксирован и второй вариант того же былинного сюжета, в котором главный герой называется не Волхом. а Вольгой, и Индийское царство заменено на Турецкую землю. Но это является примером того, как древний сюжет привязывается к новому врагу и к новым историческим реалиям. Хотя в самом тексте былины о Вольге и «царе Турец-сантале» встречается анахронизм: главному герою вместе с царем-турком противостоит царица Панталовна, а это имя ассоциируется не с Турцией, а с династией Пандавов в Индии. И вот что особенно любопытно. В походе Волх-Вольга Всеславич, пользуясь своими способностями оборотня, обувает-одевает, кормит дружину, ведет разведку против Индийского царства и побеждает индийского царя. В этом случае он напоминает другого древнего героя — греческого бога Диониса.

— Дионис-то тут причем? — устало спросил Вадим, уже начиная глубоко сожалеть о том, что приволок сюда этого клиента-параноика.

— Ну как же! Он ведь ведь по преданиям тоже совершил поход в Индию с войском вакханок и чудесным образом кормил их в пути. Однако при этом необходимо отметить, что славянский Волх гораздо древнее, архаичнее Диониса. Это, скажу честно, приятно осознавать. Диониса можно считать древним культовым героем первобытных земледельцев, ставшим божеством урожая. А Волх Всеславич, наш «сукин сын» — это образ бога охоты и рыболовства. Он не просто оборачивается зверем и птицей, но и избивает животных на прокорм дружине, так что «и волку и медведю спуску нет».

— Дионис бы так не поступил, — в сердцах бросил юрист.

— Потому и пил только. С лозы виноградной. А Волх, чтобы захватить Индийское царство врасплох, превращает свою дружину в муравьев. Этот образ поддается такому истолкованию: войска ариев, вторгшиеся в Индию, были бесчисленны, как муравьи. А преодолев неприступную каменную стену, которая может быть представлена как образ Гималайского хребта, муравьи снова превращаются в людей. Войско Волха Всеславича истребляет все население страны, оставив для себя только семь тысяч красных девиц.

— Это разумно, — согласилась девушка, — и даже в какой-то степени благородно.

— Но так же вели себя в исторической реальности и переселенцы арии, частично истребив, частично ассимилировав местное дравидское население Северного Индостана. Белая индусская раса в настоящее время насчитывает около ста миллионов человек из более чем миллиардного населения Индии. Откуда они там взялись? Белые индусы — это восточные иафетиты, то есть протославяне. Те самые загадочные арии. А Веды можно назвать арийской «Библией».

— Вы пейте, пейте, — посоветовал Вадим, подливая ему вина, втайне надеясь, что клиент опьянеет, «нажрется и засохнет». Но так ведь не бывает: если куст жимолости поливать, то он расцветает еще более пыльным цветом. Вот и тут. Зловредный «куст», изрядно глотнув, воодушевился еще больше:

— Еще один былинный сюжет — о Михайле Потоке. Страна царя Вахрамея Вахрамеича, куда отправляется богатырь Михайло с дипломатическим поручением, находится у «корбы темной, грязи черной». Он едет вроде бы просто поиграть в шахматы — «тавлеи золотые». Но это является довольно прозрачным образом дипломатической игры, хотя в данном случае ставка здесь — голова главного героя. А где эта страна лежит?

— И где? — заинтересованно спросила брюнетка.

— Корба — это ложбина, поросшая дремучим лесом, а грязь — это болото. Так что царство Вахрамея расположено где-то между пересеченной лесистой местностью и болотом. Правда, есть еще одно указание, позволяющее привязать рассматриваемый сюжет

к реальной истории. Миша по кличке Поток идет вслед за умершей женой Марьей Лебедью Белой в подземное царство, бьется там с гадкой змеей и воскрешает Марью. А «в благодарность» та пытается известить супруга. Каково?

— Вот ведь ведьма! Да что ж они все такие злодеи и злодейки? — расстроилась девушка и даже платочек достала. Но вытерла не глаза, а губы. Поскольку ела мороженое.

— Время было такое. Впрочем, как и сейчас. Но корни сего сюжета можно отнести к временам борьбы праславян со скифами и сарматами, где «брачный союз» славян со степью таит в себе опасность гибели — поглощения главного героя. Вот вам и ответ. Только геополитика, ничего личного.

— Вам бы книжки писать да кино снимать, — сказала невеста. — А я бы у вас в главной роли снялась. Лебедь Белую или эту... которая флотом разжилась.

— Договорились, — кивнул мужчина, — но я книжек уже и так немало насочинял. Что же касается сармат, то они жили первоначально в Поволжье и Южном Приуралье, но потом переселились в степи Причерноморья, вытеснив оттуда родственных им скифов. Это позволило им не только подчинить окрестные скотоводческие племена, но и богатое Боспорское царство, основанное греческими колонистами за пятьсот лет до нашей эры на берегах Керченского пролива — Босфора Киммерийского. А после прихода сарматов Боспорское царство превращается в Греко-Сарматское государство.

— И таким образом... — начал Вадим, все еще надеясь перевести разговор в другое русло — юридическое, но попытка вновь сорвалась.

— И таким образом, Михайла Поток едет поиграть в «тавлеи золотые» к царю Вахрамею именно туда, в боспорский Пантикапей или в Танаис. Тогда «грязь черная» и «корбы темная» получают свое истинное истолкование. Боспорское царство занимало территорию Керченского полуострова, Таманского полуострова, низовья реки Кубань, восточное Приазовье и устье реки Дон. Но в древности на месте современного Азовского моря существовало гигантское болото, названное греками Меотидскими топями. В настоящее время от него остался лишь Сиваш, Гнилое море. Во времена Боспорского царства участки открытой воды, пробитые течением Кубани и Дона, чередовались с заросшими камышом болотами. Это и есть «грязи черные», а под «корбами темными» подразумевались заросшие лесом лощины Керченского полуострова.

— А сучка эта что ж? — спросила невеста. Ей сказки гостя нравились. Она вообще таких людей впервые видела. А то все эти, да эти. Мажоры, одним словом. Безязыкие, но рукастые и карманистые.

— Сейчас доложу. Будущая жена Михайлы — Марья Лебедь Белая тоже оборотень и, обернувшись птицей, летает «по тихим заводам, а по тым зеленым по затресьям». Это близко описанию в древнегреческих «периплах» — лощиях для мореплавателей — западной оконечности Таманского полуострова. Тогда на его месте существовали отдельные острова — Киммерия, Фанагория, Синдика. Они были отделены от материка дельтой Гипаниса — современной Кубани, которая впадала в древности не только в Азовское, но и в Черное море. Надо бы нам еще вина заказать, как вы думаете? — добавил он без всякого перехода. — Хорошо идет.

— Идет — догоним, — подал официанткам знак рукой Вадим и утвердительно произнес: — Вы — историк.

— Вы еще даже не догадываетесь, кто я, — туманно отозвался мужчина.

Тут девушка напомнила:

— А как же смерть?

— Какая смерть?

— Да Святогора же.

— Ах да. Это ведь тоже, если не поэма, так метафизический, философический трактат в духе Гегеля или Спинозы. Хотя нет. Те слишком скучны, а тут опять же мегатрагический катарсис в жанре верлибра. Итак, прибыли они, Святогор с Ильей, конным ходом, на гору Елеонскую. Где их поджидала судьба. Рок.

И мужчина на память процитировал:

— «Стоит тута дубовый гроб; как богатыри с коней спустилися они ко гробу этому да наклонилися». Продолжение известно. Вот смотрите: француз всякий, немец ли, гей-голландец мимо бы прошмыгнули, от греха подальше, а эти остановились и разглядывают. Что да почему, какой такой гроб, зачем тут? Есть во всем этом некий сакрально-мистический умысел. Загадка. Богатырям надо непременно руками гроб ощупать, заглянуть вглубь. Дальше — больше. Сначала Илья в гроб ложится — маловат. Или великоват, не важно, главное — не подходит по размеру. Затем сей деревянный макинтош примеряет на себя Святогор. Ага! В самый раз, сшит как по заказу, у лучших портных с Брайтон-Бич. Но и этого ему мало, он еще и крышку гроба на себя натягивает. Короче, затворяется напрочь. И все.

— Все? — с огорчением спросила невеста.

— Ну, почти все, — усмехнулся клиент, положив в рот темную виноградинку. — Святогор из мира видимого исчезает, а его чудесная сила передается Илье. А в его образе и всей Руси, России. Как писал апостол Павел к Галатам: «Я умер для закона — фарисейского, чтобы жить — для Бога». Но тут мы уже подходим к иным, более горным материям. Не за пахлавой же, право, толковать об этом. Добавлю лишь, что, по словам еще одного святого, Макария Великого, когда слышишь о гробах — представляй мысленно не только их видимость. А почему? Да потому что и они, и могила для тебя — твое сердце...

— Как это понимать? — спросил Вадим.

— А понимай, как хочешь! — отмахнулся рассказчик. — Я и сам еще толком этого не понимаю. Время, может быть, еще не пришло. Но мне важно во всей этой давней истории другое: какого черта, в конце концов, он добровольно полез в гроб? А ведь только русский человек на подобное и способен, не так ли? Вот вы, девушка, полезли бы?

— Дудки! — бросила та. А потом, подумав немного, добавила: — Хотя, если для рекламы погребальных аксессуаров, если в цене сойдемся, почему бы и нет? У меня такой фотосессии еще не было.

— Ее Марина зовут, — сообщил Вадим, — и она не русская, а карелка.

— Да какая разница, это не имеет значения, — отозвался мужчина. — Главное не кровь, а почва, земля, ее дух с душою, которыми мы пропитаны. Здесь, в России, за десять лет жизни и Халли Берри русской станет. Если, конечно, полюбит ее. Побелеет даже.

— А вот вы-то все-таки кто? Историк, географ? — поинтересовалась Марина. Как девушка с прагматичным складом ума, она, должно быть, хотела основательно «прошерстить» все окружение своего будущего мужа. Но тут к столику подплыли две дежурные азербайджаночки с игральными кубиками и предложили метнуть кости. Мужчина с удовольствием потряс деревянный стаканчик и бросил на поднос кости. Сразу выпало две шестерки.

— Вам полагается еще один кувшинчик вина за счет заведения, — поздравила одна из девушек.

— Вот и несите, — сказал Вадим и обратился к своему визави: — Как это вам удалось? Сколько раз здесь ужинал, играл — и никогда двух высших цифр не выбрасывал.

— Я профессионал, — скромно ответил клиент и добавил: — Метать кости надо не рукой, а мозжечком и гипофизом, которые просто нужно в данный момент активировать. Ну, как ввести пин-код от банковской карты.

— А какие сказки вы еще знаете? — спросила невеста. — Страсть как люблю слушать на ночь глядя.

— И какие у вас вообще-то проблемы? — спросил юрист. О деле-то мы так и не поговорили. Давайте начистоту. Марина не помешает.

— Да проблемы-то, может быть, не у меня, а у вас, — каким-то нехорошим голосом отозвался тот. Еще и сощурился.

Неким холодком повеяло от его лица. Даже Марина зябко поежилась, хотя она порой бывала девушкой отчаянной и без тормозов. Вадим решил уточнить:

— Но ведь вам нужна моя юридическая помощь?

— Да, — последовал короткий ответ. И мужчина угрюмо замолчал, словно ему теперь вообще расхотелось разговаривать.

Тут как раз принесли обещанный кувшинчик вина, а заодно и ароматный кофе — было чем занять рот. Затем произошло нечто странное. Вадиму, отяжелевшему от вина и пищи, вдруг показалось, что из глубины зала к выходу идут, покачиваясь, три изогнутые и полупрозрачные фигуры — двое мужчин и девушка. И хотя видел он их со спины и мельком, да еще и сквозь какую-то ватно-молочную пелену, но готов был поклясться, отдав все что угодно на отсечение (впрочем, не все) в том, что эта уходящая троица как две капли воды (точнее три) походила на них самих, сидящих сейчас за столом. Будто двойники или некая отделившаяся от их тел субстанция.

Он вновь испытал какие-то нехорошие предчувствия, словно в скором времени ему, да и всем им, предстояло пережить нечто до такой степени невообразимое, великое и ужасное одновременно, что перевернет и в корне изменит всю их дальнейшую жизнь.

Вывел его из оцепенения голос Марины:

— Когда мама возвращается?

— Через неделю, — механически отозвался он.

Ужин подходил к концу. «Ну, а теперь-то что? Когда же он перейдет к своему делу?» — подумалось Вадиму. Он все еще не в силах был отойти от странного потустороннего видения в ресторане.

— А дело у меня вот какого свойства, — сухо проговорил мужчина, словно отвечая на его мысль.

— Слушаю внимательно. Простите великодушно, но я там, в конторе, так и не разобрал толком, как вас величать? Любомир...

— Велемир Радомирович. Так вот. Я хочу, чтобы меня развели с моей погибшей тринадцать лет назад женой. Официально, в судебном порядке. И выдали бы гербовую бумагу. С печатью.

Сказав это, вернее, даже чуть ли не потребовав обиженным тоном, мужчина откинулся на спинку стула и еще острее и пронзительнее сощурился. Ну, почти как Ульянов-Ленин, выбравшийся вдруг из Мавзолея и отправившийся с таким, но предвещающим ничего хорошего взглядом, в Кремль. На стрелку с Путиным. Тут только Вадим впервые сообразил, что имеет дело с обычным городским сумасшедшим, фриком. И это еще в лучшем случае.

— Мы такими услугами не занимаемся, — растерянно пробормотал он. — К тому же официальный факт смерти уже означает... состояние развода. Чего же боле? Ведь есть же у вас какая-то ... «гербовая бумага» о ее кончине?

— Ну, есть.

— И достаточно.

— Нет, не достаточно. Я хочу еще, чтобы нас развели. В разные стороны.

Клиент вскинул голову и упрямо закусил верхнюю губу. Теперь он стал походить на Наполеона. Даже ла-

дось сунул за лацкан пиджака.

— Без ее присутствия сделать это невозможно, по крайней мере, весьма затруднительно, — только и нашел, что сказать в ответ Вадим.

— А мне по фаллосу, — совсем уж грубовато отозвался Велемир Радомирович.

Марине как суперсовременной девушке это понравилось.

— Да разведи ты их как-нибудь — и делу конец, — решительно вмешалась она. — Проблем-то! Договорись с каким-нибудь ЗАГСом, впервой что ли? И не такое творят. Вон, всю страну на бабки разводят, а ты?

В этом она была права. Но одно дело — разводить народ с помощью, например, налогов на воздух, сливая доходы от углеводородов в свои закрома, и совсем иное — оформить развод живого мужчины с мертвой женщиной. Это уж совсем ни в какие ворота. Так и все другие чудить начнут. Скажем, станут требовать юридических прав на «мертвые души» покойных родственников. Для перепрописки их из гробов в дома. В целях уменьшения квартплаты.

— Надо подумать, — ответил, тем не менее, Вадим, случайно икнув и запивая свои слова красным вином. — Но вы должны рассказать мне все более подробно.

— А чем я, по-вашему, здесь занимаюсь? — надулся клиент. — Но история моя слишком сложна, чтобы понять ее вот так, сразу. Тут двух слов недостаточно.

— Вы говорите, говорите, — приободрила его Марина. — Время у нас есть. У нас вообще весь вечер свободный.

— Мы же в ночной клуб собирались? — напомнил Вадим.

— А мне по фаллосу, — повторила цитату невеста. — Здесь поинтересней будет. Когда еще ума набираться, если не сегодня?

— Вот как? Чего-то ты, подруга, перепила.

— Тормози, присяжный. Не ездь мне по мозгам.

— Дороги нехоженые, все равно ни пройти, ни проехать.

— Вот и отстань. Сутяга.

— Стоп! — остановил их загорающийся спор таинственный собеседник и добавил: — Да, вы правы, время у вас еще есть. Но вы даже не догадываетесь, как мало его осталось.

Прозвучало это как-то апокалиптически, словно напоминало о близком Страшном Суде. Молодые люди вновь встревожено переглянулись. А Велемир Радомирович хладнокровно произнес:

— Однако пора и рассчитаться. Лучше отсюда уйти. Расплачиваться буду я. ■

Продолжение следует.